

мозгу, и можете себе представить, насколько сильно отпечатлелась вещь, виденная собственными глазами. Он кончает тем, что наотрез отказывается допустить Лизарана вернуться в этот дом, и клянется, что, если здесь его увидит, плохо им придется. В то время как происходило все это, Лизаран вернулся к отцу, ничего не знавшему о всех этих семейных неприятностях. Он стал проводить дни и ночи в муках о том, что лишен возможности видеть предмет отвратительной любви своей. С другой стороны, и она была истерзана самой ужасной тоской и горем столь тяжким, как только можно вообразить себе. Поистине, не будь они в такой кровной близости, можно бы им еще извинить безумие их страсти, ибо она была одной из совершеннейших красавиц, каких я только видел, он же один из прекраснейших дворян, каких кто-либо когда встречал. Однако, вспомнив об ужасном их пороке, я принужден удивляться, как мог Всевидящий так долго выносить подобное злодейство, не покарав его. Как велико долготерпение его, если столько времени ожидает раскаяния грешников, столь упорствующих в скверне своей.

Когда Лизаран прожил несколько месяцев у отца, желание увидеть сестру не позволило ему выносить дальнейшую разлуку, не послав ей о себе вестей при посредстве письма, составленного в таких выражениях:

«Лишенный радости видеть вас, я испытываю смертные муки. Если долго еще принужден буду жить вдали от прекрасных очей ваших, вы понесете потерю, которую вам никто никогда не возместит. Средство к сохранению моей жизни – предоставить мне возможность переговорить с вами об избавлении вас от заточения, которому вы подвергнуты, меня – от терзаний этой разлуки. Приложите к тому все возможные для вас средства, дорогая сестра моя, если желаете спасти спокойствие свое и жизнь, от вашего лишь лицемерия зависящую».

Написав и запечатав это письмо, он отдал его отцовскому слуге, которому вполне доверял. Человек этот, наученный тому, что ему следовало делать, прибыл однажды под вечер в замок Тимандра, притворяясь, что пришел не из дома тестя, а из другого места. Его хорошо приняли, не подозревая о его поручении. Вечером он передал это письмо Доралисе, которая, прочитав его, не пожелала ответить чем-либо, кроме приглашения брату прийти попоздней, на следующий день к ней в дом, через садовую калитку, которая будет отворена и где она будет его ждать. Слуга этот, простившись поутру с Тимандром и его супруге»; не имея никаких сведений о распутстве брата и сестры, возвратился в дом своего хозяина, где и передал Лизарану, что сообщила ему сестра. Тот, услышав такую новость, садится на коня и приезжает в тот же вечер к месту, где ждала его сестра. Обнявшись и утолив развратные желания свои, они стали обсуждать совместно, какие им избрать средства, чтобы достичь большей свободы предаваться наслаждению. Решено было, что на следующий день она возьмет все свои драгоценности и когда потом, вечером, все лягут, он усадит ее за седлом и увезет ее в какую-нибудь провинцию, где они могли бы спокойно провести остаток дней своих. Предприятие, исполненное такой же дерзостью, как и беспорядочные их желания. Близилось время получения возмездий страшному их прелюбодеянию. Божественное правосудие, идущее неслышными стопами, уже простерло над ними железную десницу свою.

Они сделали, как решили, и путешествие, предпринятое на другой день мужем в один из городов той области, благоприятствовало их предначертаниям. Наступил день, последовавший за вечером их бегства, – слуги изумились, не видя своей хозяйки. Они всюду ее искали, но найти не могли, сколько ни разыскивали – она и брат ее были уже весьма далеко. Муж, воротившийся через несколько дней, очень удивился, не найдя ее дома. Он поспешил в замок тестя, чтобы получить известие о ней. Труд его оказался тщетным. Не нашел он там ни жены, ни шурина. Никто не знал, куда они отправились. Это сейчас же объяснило ему, в чем дело, и побудило немедленно пойти к тестю, которого он заставил, сопровождая речь свою многими жалобами и упреками, выслушать рассказ об оскорблении, детьми его нанесенном. Что он долго скрывал отвратительную их гнусность только потому, что немногим она была известна, и старался направить их на иной жизненный путь, но теперь на спасение их нет никакой надежды и он, став притчей и посмешищем всего света, намеревается искать удовлетворения путем суда. Бедный старик отец, выслушав справедливые упреки зятя, от боли, как стоял, так и упал в обмороке. Немного оправившись, он стал проклинать Фортуны, на склоне лет его пославшую ему столь тяжкое горе. Мать, со своей стороны, думала, что умрет от огорчения. Дом наполнился жалобами и стенаниями. Слух о сем происшествии распространился по стране. Все говорили о нем, но по-разному. Одни не верили такому злонаправлению и полагали, что Лизаран, не имея сил видеть, как ревнивый муж недостойно обходится с его сестрой, освободил ее из этого плена. Другие, напротив, говорили, что если бы это и на самом